

Степанова Наталия Валентиновна

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ CRISIS IS ILLNESS В ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Настоящая статья представляет собой исследование в области Теории концептуальной интеграции на материале экономических медиатекстов кризисного периода. В рамках статьи в ходе критического дискурсивного анализа рассматриваются примеры метафорического осмысления кризиса как заболевания. По результатам исследования, в основе метафоры "crisis is illness" лежит глубинная метафора FAILURE is DANGER, участвующая в реализации персуазивной, оценочной и других авторских стратегий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 156-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. **Монастырев В. Д.** Гидронимическая терминология в топонимии Центральной Якутии // О. Н. Бетлингк и тюркское языкознание: сборник научных статей / Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований; отв. ред. П. А. Слепцов. Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2005. С. 181-186.
12. **Попов Г. В.** Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с.
13. **Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 114 с.
14. **Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков:** в 2-х т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. II. 992 с.
15. **Тимофеев П. А.** Деревья и кустарники Якутии. Якутск: Бичик, 2003. 64 с.
16. **Толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I. 680 с.
17. **Толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II. 912 с.
18. **Толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. III. 844 с.
19. **Щербак А. М.** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1966. № 3. С. 21-35.
20. **Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы (буквы Л, М, Н, П, С).** М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.

**YAKUT BASES-HOMONYMS HAVING PARALLELS
IN THE MONGOLIAN LANGUAGES (LANDSCAPE NAMES)**

Semenova Ekaterina Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Nelunov Anatolii Gavril'evich, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
sevskn@mail.ru; nelunov43@mail.ru*

The article deals with lexical and semantic peculiarities of the Yakut bases-homonyms of the landscape names in comparison with the parallels of the Mongolian languages. It is found that firstly in the vocabulary of the modern Yakut language there are 9 bases-homonyms which have parallels in the Mongolian languages. Secondly, there are lexical and semantic similarities in written Mongolian, modern Mongolian and its dialect; literary Buryat and its dialect, also the Kalmyk North-Mongolian languages. Thirdly, the bases-homonyms **аагыях II** (aagyiakh II) and **дьында I** (d'ynda I) are the elements of landscape appellatives of the modern Yakut language vocabulary.

Key words and phrases: vocabulary; the modern Yakut language; the Mongolian languages; lexical and semantic parallels; landscape appellatives.

УДК 81'42

Настоящая статья представляет собой исследование в области Теории концептуальной интеграции на материале экономических медиатекстов кризисного периода. В рамках статьи в ходе критического дискурсивного анализа рассматриваются примеры метафорического осмысления кризиса как заболевания. По результатам исследования, в основе метафоры «crisis is illness» лежит глубинная метафора FAILURE is DANGER, участвующая в реализации персуазивной, оценочной и других авторских стратегий.

Ключевые слова и фразы: образ кризиса; критический дискурс-анализ; концептуальная интеграция; метафора; ментальное пространство; медиатекст.

Степанова Наталия Валентиновна, к. филол. н.
*Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Nathalie.tresjolie@icloud.com*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ CRISIS IS ILLNESS
В ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ**

Одной из ключевых целей проведения критического дискурс-анализа (КДА) является распознавание способов дезинформирования, манипулирования и причинения вреда аудитории с помощью публичного дискурса [1]. КДА целесообразно использовать при исследовании экономического дискурса периода рецессии, поскольку стремление авторов донести информацию о кризисе носит порой манипулятивный характер и содержит в себе элемент преувеличения. Попытки журналистов представить экономический спад как настоящую катастрофу приводят к тому, что в медиатекстах появляется большой процент образной лексики, стилистических приемов, в числе которых и метафора, представляющая собой не только собственноручно троп, но и важнейший когнитивный механизм, средство воздействия на сознание читательской аудитории.

По мнению Жилия Фоконье, когнитивная метафора участвует в создании ментальных пространств, которые конструируются в процессе концептуального смешения. Поскольку *порождение и восприятие дискурса представляет собой последовательное развертывание ментальных пространств*, интересно проследить, каким образом происходит формирование ментальных пространств в исследуемом типе дискурса [4, p. 58].

Рассмотрим суть процесса концептуального смешения на примере широко известной метафоры: *This surgeon is a butcher* (*Этот хирург – мясник*) (*здесь и далее перевод автора статьи – С. Н.*). Смысл метафоры складывается из следующих компонентов: 1. Семантика предложения. 2. Построение ментальных пространств. 3. Структурирование бленда. 4. Эмерджентное (новое) значение. 5. Импликации, возникающие в конкретной ситуации коммуникации. По мере актуализации данной метафоры для каждого из двух сценариев образуется отдельное ментальное пространство (см. Рис. 1). Жизненно важные отношения, связывающие эти пространства, следующие: сходство – хирург проводит операцию, мясник разделяет тушу животного; время – продолжительность «операции» в обоих случаях ограничена определенными временным рамками; пространство – в случае с хирургом оперируемым является человек, лежащий на операционном столе в палате; в случае с мясником также происходит своего рода «операция» на разделочном столе.

В ходе реализации метафоры в бленде образуется эмерджентная структура, в которой *surgeon* (*хирург*) отождествляется с *butcher* (*мясник*), *scalpel* (*скальпель*) с *cleaver* (*нож мясника*), *healing* (*лечение*) с *severing* (*разделяние*), а *human being* (*человек*) с *animal* (*животное*), в результате чего действующее лицо в смешанном пространстве получает цель хирурга и при этом использует средства мясника. Метафора *butcher-surgeon* означает, что хирург действовал неэтично (вследствие недостатка опыта или по другой причине) и воспринимается как неаккуратный, некомпетентный, неосторожный и, возможно, даже жестокий.

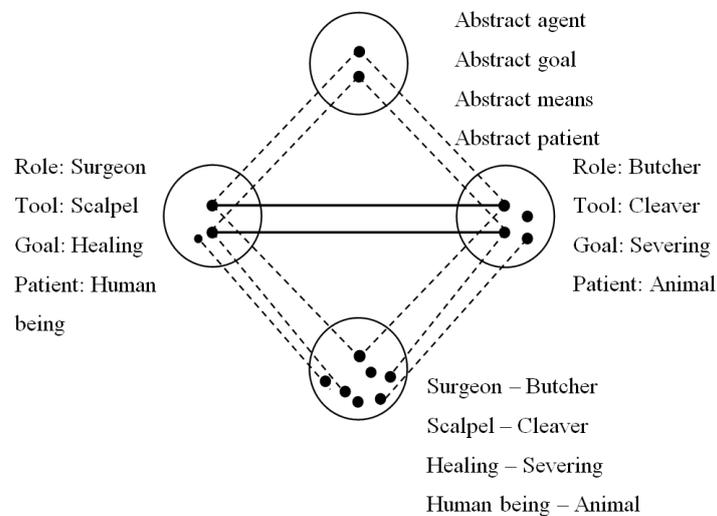

Рис. 1. Сеть концептуальной интеграции для *This surgeon is a butcher*

Прим.: *abstract agent* (абстрактный агент), *abstract means* (абстрактное средство), *role* (роль), *tool* (инструмент), *goal* (цель), *patient* (пациент).

Такие коннотации отсутствуют не только в общем пространстве, но и в исходном пространстве *butcher*, поскольку мясник совсем не обязательно является жестоким и невнимательным [5]. Возникающие в бленде импликации могут быть связаны, например, с тем, что хирург был неосторожен в ходе операции, после которой у оперируемого остался шрам на всю жизнь, или с другими предположениями такого типа.

По аналогии с метафорой *this surgeon is a butcher* рассмотрим специфику метафорического осмысления кризиса как заболевания в рамках Теории блендинга на материале медиатекстов 2008-2009 гг. По результатам исследования дискурса кризисного периода, метафоры *crisis is illness* (*кризис – заболевание*), *crisis is pain* (*кризис – боль*), *crisis is death* (*кризис – смерть*) являются типичными для кризисного дискурса [2].

В рамках одного из медиатекстов 2008 г. были выявлены сразу три примера сопоставления рецессии с заболеванием [6]. В первом случае использован глагол *inject*, который означает главным образом *инъектировать, впрыскивать, делать инъекцию*. В экономическом смысле слово *inject* имеет значение *вкладывать деньги*. Таким образом, в данном предложении реализуется игра слова, основанная на полисемии: *They injected hundreds of billions of dollars of public capital* [Ibidem] (*Они вложили сотни миллиардов долларов государственного капитала*). За счет актуализации сразу двух значений многозначного слова экономический процесс сопоставляется с проведением медицинской «операции» по впрыскиванию инъекции. Финансовая помощь сравнивается со спасительным уколom (см. Рис. 2).

В результате актуализации двух сценариев в ходе композиции в эмерджентной структуре бленда экономика сопоставляется с телом человека, а финансовые средства – с инъекцией, необходимой для выздоровления. В ходе операции развития бленд дополняется новой информацией: для оздоровления экономики было необходимо вложение финансовых средств, которое должно было привести к выходу из кризиса (жизненно важные отношения сходства: предполагается положительная динамика после инъекции). Подразумевается, что деньги вкладывались быстро, возможно, одномоментно (жизненно важные отношения времени: быстрота инъекции) и в одну определенную сферу (отношения пространства: конкретное место, куда делают укол). Само использование полисемичного глагола *inject* привносит в текст статьи, с одной стороны, коннотацию беспокойства и волнения (ассоциации с кабинетом врача и подобные импликации), с другой стороны, – дает надежду на скорейшее выздоровление, а значит лишает кризисный дискурс присущего ему депрессивного настроения.

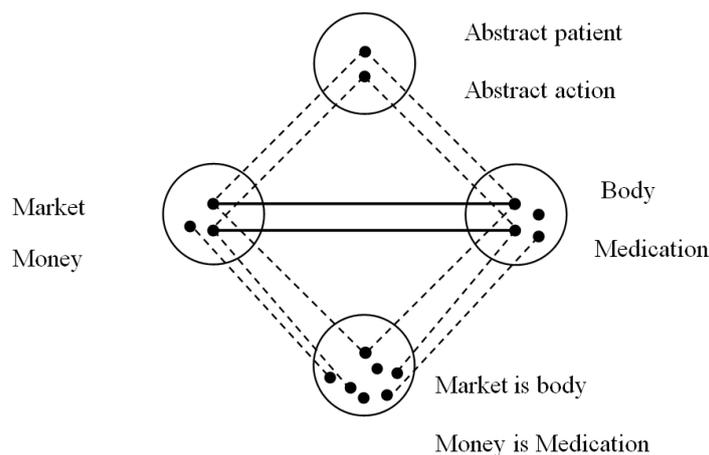

Рис. 2. Сеть концептуальной интеграции для метафоры *Crisis is illness*

Прим.: *abstract patient* (абстрактный пациент), *abstract action* (абстрактное действие), *market* (рынок), *money* (деньги), *body* (тело), *medication* (лекарство).

Второй пример сопоставления рецессии с заболеванием выглядит следующим образом: *Dozen of countries, from Sweden to Japan, have suffered systemic banking crises in recent decades* [Ibidem] (Десятки стран, от Швеции до Японии, за последние десятилетия не раз пострадали от систематических банковских кризисов). Сеть смешения здесь идентична схеме из предыдущего примера, поэтому мы не будем ее приводить. В ходе композиции элементы исходных пространств соединяются, и происходит концептуальное смешение. В процессе завершения в эмерджентной структуре бленда возникает параллель между целыми странами, с одной стороны, и отдельными людьми, с другой стороны. Вторая важная импликация, которая появляется в смешанном пространстве, – отождествление кризиса экономики с болью, которую испытывает человек.

Жизненно важные отношения, соединяющие исходные пространства, в данном случае включают отношения времени (подразумевается длительность «страдания» и его повторяемость, на которую указывает слово «системный»); отношения количества (десятки стран пострадали от боли, т.е. подверглись воздействию рецессии); отношения сходства (страдания связаны с болью и различными неприятными ощущениями, которые в бленде автоматически проецируются и на восприятие кризиса). В результате операции развития формируется целостный бленд, обладающий устойчивыми характеристиками.

Наконец, третий пример не затрагивает кризис напрямую, но рассматривает связанную с ним ситуацию и поэтому влияет на восприятие читателя: *Already many have declared the death of the Thatcher-Reagan revolution* [Ibidem] (Многие уже провозгласили конец революции Тэтчер-Рейгана). В данном фрагменте статьи речь идет о воздействии различных, в том числе не экономических факторов, на возникновение и эскалацию кризиса, а также на взаимоотношения между финансовым сектором и правительством. Слово *death* (смерть) относится в приведенном предложении к революции Тэтчер-Рейгана, однако в рамках всего текста оно проецируется на общее состояние экономики, в том числе – экономический упадок, и стоит в одном ряду с другими лексическими единицами, характеризующими текущее состояние рынка: *collapse* (коллапс, резкое падение, крушение), *catastrophe* (катастрофа), *suffering* (страдания), *failures* (неудачи). Использование слова *death* придает дискурсу статьи резко отрицательный оттенок и создает негативные ассоциации в сознании читателя. В целом в контексте статьи прослеживается устойчивое сравнение кризиса с заболеванием, которое требует лечения и может закончиться летальным исходом.

В основе метафоры *crisis is illness* (*crisis is pain*) лежит глубинная метафора *FAILURE is DANGER*, выявленная при анализе метафорического осмысления кризиса как природного явления [3]. В данном случае *FAILURE* олицетворяет проблемы со здоровьем, *DANGER* – опасность повторения таких проблем (заболеваний, боли и т.д.). В смешанном пространстве каждого бленда возникает также импликация страха (FEAR), который проявляется в виде беспокойства по поводу ухудшения «состояния здоровья», т.е. финансовой ситуации.

Глубинная метафора *FAILURE is DANGER*, реализуемая различными языковыми средствами, служит эффективным средством создания того представления о кризисе, которое авторы медиатекстов стремятся сформировать в сознании читательской аудитории. Актуализация данной метафоры способствует реализации авторских стратегий, главным образом – персуазивной стратегии, позволяющей убедить адресата той или иной статьи в масштабности кризиса и пагубных последствиях его воздействия на экономику. Две другие стратегии, которые помогает осуществить метафора *FAILURE is DANGER*, – референциальная (противопоставление по линии кризис – не кризис) и оценочная (описание рецессии как сугубо негативного явления через апелляцию к отрицательным эмоциям).

Список источников

1. Дейк Т. А. ван. Дискурс и доминирование [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. 2009. Т. 1. Вып. 1. URL: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf (дата обращения: 23.03.2017).
2. Степанова Н. В. Англоязычные экономические медиатексты кризисного периода: когнитивно-дискурсивный анализ: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2014. 171 с.
3. Степанова Н. В. Метафорическое осмысление кризиса как природного явления в контексте теории концептуальной интеграции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 157-165.
4. Fauconnier G., Turner M. Conceptual blending, form and meaning [Электронный ресурс]. URL: <http://tecfa.unige.ch/tecfa/maltr/cofor-1/textes/Fauconnier-Turner03.pdf> (дата обращения: 08.12.2016).
5. Grady J. E., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // Metaphor in cognitive linguistics / G. Steen, R. Gibbs (eds.). Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 101-124.
6. Whatever next [Электронный ресурс] // The Economist. 2008. November 19th. URL: <http://www.economist.com/node/12494679> (дата обращения: 20.02.2017).

**ACTUALIZATION OF CONCEPTUAL METAPHOR “CRISIS IS ILLNESS”
IN THE ECONOMICAL MEDIA-TEXTS**

Stepanova Nataliya Valentinovna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”
Nathalie.tresjolie@icloud.com

The article provides the study within the theory of conceptual integration by the material of economical media-texts of crisis period. Using a critical discursive analysis the author examines the cases of metaphorical interpretation of a crisis as an illness. According to the research, the metaphor “crisis is illness” is based on deeper metaphor “FAILURE is DANGER” which contributes to the realization of persuasive, evaluative and other author’s strategies.

Key words and phrases: image of crisis; critical discourse-analysis; conceptual integration; metaphor; mental space; media-text.

УДК 81`373:821.161.1

Цель данной работы – выявить и рассмотреть лексико-семантическую систему концепта «болезнь» в индивидуальном стиле Льва Николаевича Толстого на материале описания болезни и смерти Николая Левина, героя романа «Анна Каренина». В ходе анализа текста выявлены и рассмотрены лексемы, иллюстрирующие физическое и психологическое состояние героя романа, описаны особенности их семантики и функционирования в тексте произведения, определены ключевые слова, представляющие в романе концепт «болезнь».

Ключевые слова и фразы: концепт «болезнь»; лексическое значение слова; репрезентация концепта; лексика с семантикой болезни; лексема «страх»; лексема «смерть».

Толкачева Наталья Николаевна

*Тверской государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации
goldnatali13@gmail.com*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОНЦЕПТА «БОЛЕЗНЬ»
В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»**

Роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» – один из самых значимых произведений в творчестве писателя. А героя романа Константина Левина можно с уверенностью назвать самым автобиографичным персонажем «Анны Карениной». Характер Константина и его сюжетная линия наиболее тесно связаны с образом мысли и обстоятельствами жизни самого писателя. Болезнь и смерть Николая Левина, героя романа «Анна Каренина», соотносятся с событиями, непосредственно происходящими в семье Льва Николаевича Толстого. У исследователей не вызывает сомнений тот факт, что биографию брата Дмитрия, а также болезнь и смерть брата Николая писатель воплотил в образе своего героя Николая Левина.

Трагично, что Николай Толстой умирает на руках Льва Николаевича, и свои воспоминания, и душевные переживания в связи с кончиной брата писатель передает в сцене смерти Николая Левина. Лев Николаевич в Севастополе видел тысячи смертей, но уход из жизни любимого брата его ужаснул. В письме от 17 октября 1860 года к А. Ф. Фету Лев Николаевич так передает свои чувства после смерти брата Николая: «20 сентября он умер буквально на моих руках. Ничто в жизни не делало на меня такого впечатления. <...> Все, кто знали и видели его последние минуты, говорят: “как удивительно спокойно, тихо он умер”, а я знаю, как страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло от меня...» [8]. Все наблюдения, взятые из жизни, Лев Толстой детально описал в своем романе, не скрывая неприятных физиологических подробностей болезни Николая Левина.

Итак, герой романа «Анна Каренина» Николай Левин вел беспорядочную и бессемейную жизнь, сожительствовал с женщиной, которая раньше работала в публичном доме, не хотел поддерживать родственные